

УДК 37:39(=511.132)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ РУССКОЙ ЛАПЛАНДИИ В ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ НАРОДА КОМИ

Сергеева Анна Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии, Мурманский арктический государственный университет (г. Мурманск, РФ). E-mail: aser2001@mail.ru

В статье определяется связь этноса и культурного наследия на примере национального искусства народа коми через призму педагогических возможностей эпического, декоративно-прикладного, музыкального и фольклорного творчества. Уникальность и своеобразие, оригинальность и креативность этнотрадиций Арктического региона позволяют определить их влияние на формирование и развитие когнитивно-мотивационных и эмоционально-волевых сфер личности.

Характеризуется этническое самосознание как особый показатель индивидуализации личности, который раскрывает конструктивистские возможности познания окружающей действительности, процесса социализации, расширения диапазона мировоззренческих позиций.

Дается общая характеристика различных видов этнического искусства и творчества Кольского полуострова. Ведущим фактором в этнокультурных процессах народа коми является интеграция культуры коми-ижемцев, русского и ненецкого этносов. Коми-культура выражается особыми национальными символами: в эпической традиции выделяются две ее разновидности: вычегодско-вымские баллады и ижмо-колвинские сказания; в малых фольклорных формах – сказки, загадки, потешки, считалки, скороговорки, пословицы. Традиционные семейные ценности: почтение старших членов семьи, помощь младшим детям, глубокое уважение родителей – проецируются на произведения декоративно-прикладного и фольклорного коми-творчества. Семейные традиции вышивания, шитья, создания кукол и украшений, изготовление утвари и малой мебели способствуют развитию морально-нравственных качеств и свойств личности, приобщают к формированию иерархии жизненных ценностей и приоритетов.

Определяются этнопедагогические особенности и возможности традиционного искусства северных коми Русской Лапландии, способствующие формированию национально-этнической терпимости, уважения и толерантности.

Ключевые слова: этничность, этническое самосознание, этнокультура, этноискусство, коми-ижемцы, этнопедагогика.

PEDAGOGICAL ATTITUDES OF RUSSIAN LAPLAND WITHIN ETHNOCULTURAL TRADITIONS OF KOMI PEOPLE

Sergeeva Anna Aleksandrovna, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Psychology Department, Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russian Federation). E-mail: aser2001@mail.ru

The article reveals the relationship between the ethnic group and cultural heritage using Komi people's national art as an example through the prism of psycho-pedagogical opportunities of epic, decorative and applied, musical and folklore art. Uniqueness and identity, originality and creativity of Arctic region's ethnic traditions let define their impact on the formation and development of cognitively motivational and emotional-volitional areas of growing-up generation's personality.

Characteristics of ethnic self-awareness as a special indicator of children's personality individualization are given, which discover constructive opportunities for learning about the environment, process of socialization, expansion of the worldviews and philosophical visions' range.

Different kinds of ethnic art and creativity within the Kola Peninsula are characterized. The main factor of the ethnocultural processes of Komi people is the integration of Komi Izhemi, Russian and Nenetz people's culture. Komi culture is expressed by special national symbols: epic tradition identifies two different kinds: Vychedod-Vym ballads, Andizh-Kolvin tales; small folklore forms: fairytales, mysteries, nursery rhymes, hide-and-go-seeks, tongue twisters and proverbs. Traditional family values: reverence of the older family members, help to the younger children, deep respect of the parents are projected on masterpieces of decorative and applied, folklore Komi art. Family techniques of embroidery, dressmaking, doll making and jewellery making, making of utensils and little furniture contribute to development of moral qualities and personality characteristics of a child, familiarize with the formation of life values and priorities' hierarchy.

Ethno-pedagogical and ethno-psychological features are defined, as well as opportunities for traditional art of northern Komi within Russian Lapland, which stimulate the formation of nation-ethnic indulgence, respect and tolerance.

Keywords: ethnicity, ethnical self-awareness, ethnic culture, ethnic art, Izhma Komi, ethnopedagogy.

Этнокультурные феномены Кольского полуострова, Арктического региона, Русской Лапландии переплетаются в освоении межнационального пространства искусства и культуры. Связь этноса и культурного наследия определяет не только уникальность и колоритность творчества, но и несет в себе выполнение таких важных функций становления и развития личности, как когнитивная, эстетическая, мотивационная, эмоциональная и др. О. Ю. Кузиванова в своей работе отмечает, что «этничность и традиционная культура находятся в тесной связи друг с другом. С одной стороны, этничность (как особая форма идентичности) как бы “приватизирует” традиционную культуру. С другой стороны, сама идентичность и границы отличительности вырабатываются в рамках традиционной культуры. Этничность демонстрирует потрясающие конструктивистские возможности, но и имеет глубинную связь со своим традиционным и природным компонентом, а также некую иррациональную сторону» [5, с. 26]. В свою очередь, этнизация как «разновидность социализации, процесс активного присвоения ценностей конкретного этноса... включает становление этнических стереотипов, этнического самосознания» [11, с. 27].

Этническое самосознание как «фиксация своеобразных этнопсихологических черт и отделение или противопоставление на этой основе одной этнической группы другой... выражается в выборе этносом самоназвания – этнонима» [11, с. 34], превалирует в освоении пластов народной культуры, так как оно способно регулировать межэтнический обмен в этой сфере, тесно взаимосвязано с проблемой культурного единства

группы. Однако, как индикаторы этнического самосознания, этнокультурные ориентации носят условный характер. Исследование какой-либо местной национальной культуры в отрыве от других явлений художественной культуры данного ареала в той или иной степени односторонне, так как искусственно вычлениет один из компонентов единой художественной традиции. Поэтому этноискусство не всегда выступает «опредмеченным», подкрепленным реальным знанием истории, культуры, современного состояния педагогики этноса.

Исторически складывались разные старообрядческие устои северных народов, детерминирующие склад и разворот художественных традиций и этноискусства как такового. Ведущей составляющей этой детерминанты были личностные характеристики создателей произведений этнического творчества. Бывало так, что, например, религиозный контекст экзистенциального пространства личности, уникальности его бытия обуславливался глубиной веры и святости. Тем не менее известные историки-этнографы С. А. Приклонский и А. С. Пругавин в результате своих исследований пришли к выводу о том, что в основе религиозного объединения лежат личные и личностные переживания: «главным фактором у старообрядцев, который привлекал народников во второй половине XIX – начале XX века к этому движению, был “дух свободы”, возникший у староверов еще в самом начале раскола в середине XVII века и сопутствовавший им даже в конце XIX века. Именно это стремление к свободе выделяли все исследователи старообрядческого вопроса. Однако С. А. Приклонский и А. С. Пругавин предполагали, что в реальной

жизни традиционного общества опасность, исходившая от старообрядчества, официальной властью была сильно преувеличена. Исходя из своих исследований, авторы заключили, что во многом причиной возникновения особых религиозных групп становилось стремление личности, переживавшей духовный кризис, защититься таким образом от негативного окружения (общества, государства)» [6, с. 59].

Исходя из этого обоснования, следует заключить, что народный творческий процесс создания художественных произведений, независимо от географической привязанности, носит сублимированный и проецированный характер. Таким образом, социально-психолого-педагогический контекст коми-искусства определяется климатическими особенностями проживания, сезонными кочеваниями, спецификой питания и жизнедеятельности и на этой основе теми детско-родительскими и семейными принципами, которые закладываются в менталитете представителей северных народностей.

Исследованию традиционного искусства народа коми посвящены работы ряда авторов: Н. Д. Конакова [3], О. В. Котова [4], О. Ю. Кузиной [5], Н. Н. Мачуровой, С. К. Мачурова [8], С. С. Мусановой [9] и др.

Рассматривая особенности художественной культуры коми-ижмцев на Кольском полуострове, необходимо отметить, что освоение и заселение ими новой территории позволили достаточно быстро воссоздать в Русской Лапландии традиционную систему хозяйства, а на его базе – традиции художественной культуры. Нехристианские верования – составная часть культуры коми-пермяков. Определяющим фактором в этнокультурных процессах коми-ижмцев является интеграция культуры коми, русского и ненецкого этносов. Коми-культура выражается особыми национальными символами, которые отличают ее от других смежных этнокультур, так как «с точки зрения этнопсихологии национальные символы выражают содержание национальной психики, черты характера нации, ее чувства и установки по отношению к себе и к другим этносам» [5, с. 25].

В эпической традиции коми выделяются две ее разновидности: вычегодско-вымские баллады и ижмо-колвинские сказания. Вычегодско-вымский фольклор о богатырях – воинах Федо-

ре Кироне и Кирьяне-Варьяне, о Пере-богатыре, где первостепенным выступает синтетическое единство борьбы за народное и личное счастье. Ижмо-колвинский эпос о Сюдбее, Евлее, Куим-Вай-воке повествует о межплеменных войнах, о подвигах богатырей, мстящих за гибель рода. В сказках, сказаниях, загадках, потешках, считалках, скороговорках, пословицах, поговорках коми отсутствует ирреальность, здесь отражены картины окружающей действительной природы: «жемчужные дресва», «золотолиственная береза»; характерен трудовой мотив со свойственной для коми поэтизацией крестьянского труда: «с поклонной головой», «с терпением досады».

Современная семья утратила те традиционные исходные функции, способствующие укреплению и гармонизации супружеских и детско-родительских отношений: «глубокая трансформация институтов традиционной культуры, стремление к эгалитаризму в отношении полов оказывают наибольшее влияние на семью и семейно-брачные отношения. Традиционные семейные ценности уходят в прошлое, а новые находят в процессе становления. Современная семья оказывается как бы на «разломе» ценностных систем, вследствие чего ее положение в обществе и функции можно обозначить как кризисные» [10, с. 145–146]. Эталоном семейного благополучия издревле у народа коми считалась многодетная семья, которая преследовала выполнение ряда принципиальных правил: почтение старших членов семьи, помощь младшим детям, глубокое уважение родителей, общее ведение домашнего хозяйства, четкое распределение обязанностей и др. «Жили-были старик со старухой. У них было тридцать женихов-сыночек. Трудно было с ними – ведь для всех нужно тридцать шапок, тридцать кафтанов, тридцать пар сапог. Выросли братья, умными стали, работающими» – вступительный абзац сказки «Тридцать женихов» отчасти отражает вышеуказанную особенность коми-семьи. Основное содержание сказочного материала сопряжено с отражением качеств народного характера, его национальных традиций, отношения к добру и злу («Гундыр», «Яг-морт», «Солдат, скупой мужик и злой царь»), либо с соприкосновением к теме труда, лени, жадности, трудолюбия («Фома», «Ема и две сестры», «Как Иван Нужду закопал», «Лекарь-мужик» и др.). Волшебные сказки соединяют

в себе образы главных действующих героев: Ёмы (злой ведьмы), Ега (бога), Ъджыд вэrsa (главного лешего), Туна (злого колдуна), Чукли из Яги (лешего из бора), Омэля (беса), тем самым уравнивают или разобщают, возвышают или разоблачают устоявшиеся морально-нравственные оппозиции: борьба добра и зла, сопоставление труда и лени, жадности и щедрости, любви и ненависти («Лиса и заяц», «Лиса», «Портной и Омэли», «Медвежья няньки», «Марпида-царевна» и др.).

Малые формы фольклорного жанра находят достойное отражение во всех жизненных ситуациях. Мудрость пословиц и поговорок коми объясняется их человековедческим потенциалом: «Ас пöсьөн перйём няньыд медся чöскыд» (Хлеб, заработанный своим потом, самый вкусный), «Бурьсь бур чужö да рöдмö» (От добра добро рождается и множится), «Правдасьыд он дзёбсьы» (От правды не спрячешься).

Загадки составляют огромный пласт эпоса коми, их отличает своеобразная «режимность» всех жизненных моментов. Например, приему пищи у коми предназначались следующие загадки: «Горница тыр йöз, а петныс öд зöсыс абу» (Полна горница людей, а дверей для выхода нет) (*Огурцы*); «Еджыд, кыз лым, ставлы кажитчö, но пыньяслы лек вöчö» (Белый как снег, но зубам вредит) (*Сахар*).

Народные загадки являются важным средством умственного совершенствования личности. Они развивают наблюдательность, учат сопоставлять, делать обобщения, знакомят с яркими образами народной поэзии. Трудность отгадки вызывается сложной образно-эмоциональной формой и ассоциативностью загадки. Однако именно эти показатели способствуют совершенствованию фантазии и воображения, стимулируют умственные качества. Эффективным приемом развития познавательных способностей является сравнение: в этом смысле загадки, поговорки, пословицы незаменимы в процессе развития. Так, коми-загадка: «Китöм и коктöм, а öдзöс вöсьтö» (Без рук, без ног, а дверь открывает) созвучна с русской загадкой «Без рук, без ног, а ворота открывает» (*Дверь*).

Изобразительное искусство у коми тяготеет к целостному изображению мира, универсальной концепцией которого является модель «мирового дерева». Мировое дерево (древо) олицетворяет жизненное сосредоточение мира, гармонии, сча-

стья. С точки зрения социально-психологического обоснования такой подход определяет некую гештальт-модель восприятия мира с конкретизацией истинных личностных потребностей.

В этнокультуре коми вышивались женские рубахи и головные уборы-«сороки». Рубахи из белого холста украшались геометрическими замысловатыми узорами, которые выполнялись красными хлопчатобумажными нитками наборным, тамбурным и двусторонним швами. Узоры составлялись строго геометрически и выдержанно-стилизованно. Некоторые коми-ижемки вышивали золотом свои головные уборы: кокошники и повойники, а бисером и пуговицами – головные повязки невесты. Растительные и орнитоморфные орнаментальные мотивировки встречаются в вышивке на полотенцах и покрывалах. В текстиле коми выделяются несколько основных композиций: сетчатые узоры, узоры ассиметричного строения («пуганка») и др. Мотивы структурных построений вышивания в декоративно-прикладном искусстве северных аборигенов состоят из вариативных элементов: треугольников, ромбов, квадратов, полукружий, прямых и волнистых линий, завитков, гребней.

Меблировка, утварь, посуда у коми заимствованы по названию и по практическому предназначению у русского народа. Стул (улöс), кровать (крöвать), полати (пöлать), горшки (гырнич), чашки (тасьти) и другие являлись предметами первой бытовой необходимости и поэтому чаще украшались художественно-эстетическими элементами. Орнамент, как узор, состоящий из повторяющихся знаков, предназначался для украшения поверхности предмета, подчеркивания его формы. Создание такого культурного наследия декоративно-прикладного профиля развивало когнитивные процессы, волевые качества, эстетические чувства, положительно эмоционально окрашенные, что, в свою очередь, формировало этническое самосознание.

Коми-подвески с ярким орнаментированным окрашиванием вывешивались у детской люльки и своим впечатляющим узором вызывали у малышей позитивные эмоциональные реакции. Сменяющие их мячи, луки, волчки прививали технические навыки, тренировали и вырабатывали меткость и ловкость. Несомненно, самой распространенной народной игрушкой являлась кукла,

в которую играли у северных народов, как девочки, так и мальчики, но преследуя разные игровые роли. Куклы изготавливали из тряпичного материала, дерева, кожи, замши, вылепливали из глины, вертели из бересты, украшали мехом.

Народная музыка коми генетически восходит к древней финно-угорской музыкальной культуре. По музыкально-поэтическому строю, художественно-композиционным и исполнительским особенностям песни коми разделяются на песни-импровизации и песни с устойчивым текстом и мелодией. Песни-импровизации, вследствие большой конкретизации, носят характер затяжного, медленного повествования: одной довольно растянутой поэтической строке (от 12 до 23 слогов) соответствует развернутая мелодия (до 40 музыкально-временных единиц). Такое «растяжение» напева осуществляется путем широкой распевности, выпевания слогов и вставных гласных. Музыкально-интонационная база характеризуется определенной стилевой монолитностью, имеющей практические связи с обрядностью, импровизационностью и формальностью исполнительских вариантов.

Музыковедческий и фольклористический литературный анализ позволяет выделить жанры северных народных песен: трудовые, исторические, бытовые, шуточные.

Для коми культуры и музыкальная форма, и тематический материал трудовых импровизаций представляют собой единый, традиционный для региона стиль с характерным типовым напевом, построенным на сопоставлении узкообъемных терцовых попевок, сдержанных по развитию кварто-квинтовым диапазоном: «Асья кыа» («Утренняя заря»), «Мелуг вывтi модi» («Я по лугу пошла»).

Звуковая гармонизация, мелодический рисунок, ритмика движений помогают постичь национальную образность коми-музыки: «Мыйла ме ичот?» («Эх, почему я так мал?»), «Козйö, козйö» («Елка, елка»), «Коми му» («Коми земля»).

Основные праздничные циклы Заполярья, развитые в обрядовом отношении, в которых уча-

ствовали все половозрастные группы общины, концентрировались в осенне-зимнем периоде, где значительными выделялись Святки и Масленица. Многие весенне-летние обрядовые комплексы и праздники, известные по земледельческому календарю, такие как егорьевские обходы дворов, троицко-семицкие и купальские игры, мольба на полях, братчины, дожинки и другие на Кольской земле отсутствовали. Это объясняется причинами обособленности северных этнических групп, природно-климатическими и хозяйственными особенностями: «нельзя не учесть такие факторы, как позднее наступление весны и короткое лето, отсутствие... пород деревьев, игравших обрядовую роль в праздниках – вербы, рябины, березы, неземледельческий характер занятий» [2, с. 153].

Резюмируя изложенное, следует отметить, что диалектика художественного творчества, культуры и искусства народа коми обуславливает педагогические возможности применения результатов этнокультурной деятельности. Идея о совершенстве человеческой личности характерна для коми-этноса, что обусловлено самой природой человека и характером его деятельности, что, в свою очередь, находит отражение в эпосе и музыкальном творчестве. В личностном идеале северных этносов общечеловеческое органично сочетается с особенным, обусловленным менталитетом автохтонного народа коми. Поэтому ретроспективный взгляд в историю этнической педагогики показывает, что сверхзадача воспитания и гармонизации личности – общечеловеческий идеал, который создается только интегрированными формами творчества и искусства, а подтверждается содержанием, формами и методами физического, нравственного, эстетического, умственного и трудового развития. Более того, на фоне обозначенных характеристик коми этнокультуры и искусства и в свете современных инновационных воспитательных тенденций, характерных для поликультурного образовательного пространства Русской Лапландии, этнопедагогика северных народов выступает как основа формирования межнациональной толерантности.

Литература

1. Бабунова Е. С. Основы этнопсихологии и этнопедагогики. – М.: ФЛИНТА, 2015. – 153 с.
2. Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX века: этногр. очерки. – Л.: Наука, 1983. – 232 с.

3. Конаков Н. Д. Ижемцы в Мурманском Заполярье // Родники пармы. – Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1989. – 192 с.
4. Котов О. В. Этнокультурные процессы у современных коми Кольского полуострова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1988. – 18 с.
5. Кузиванова О. Ю. Символические ресурсы этничности (на примере коми народа) // Уч. зап. Петрозавод. гос. ун-та. – 2012. – № 5. – С. 25–29.
6. Кузнецова Н. Ю. Изучение старообрядчества на Русском Севере: особенности исследовательского опыта С. А. Приклонского и А. С. Пругавина // Уч. зап. Петрозавод. гос. ун-та. – 2017. – № 5. – С. 57–60.
7. Латышина Д. И., Хайруллин Р. З. Этнопедагогика. – М.: Юрайт, 2018. – 394 с.
8. Мачурова Н. Н., Мачуров С. К. Психологические защитные механизмы как этнические бессознательные стереотипы поведения сказочных персонажей и литературных героев коми писателей // Третьи Мяндинские чтения: сб. науч. тр. по мат-лам Всерос. науч. конф. (8–9 июля 2015 года, г. Сыктывкар). – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. – С. 214–222.
9. Мусанова С. С. Русский песенно-игровой репертуар лужских коми // Уч. зап. Петрозавод. гос. ун-та. – 2018. – № 1. – С. 50–56.
10. Ултургашева Н. Д., Алексеева А. Г. Семейно-брачные отношения коренных народов Сибири как этнокультурный феномен традиционного общества // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2018. – № 1 (42). – С. 144–151.
11. Этнопсихология / авт.-сост.: В. Л. Цветков, А. В. Соловьева. – М.: Закон и право, 2015. – 119 с.

References

1. Babunova E.S. *Osnovy etnopsikhologii i etnopedagogiki [Principles of ethnopsychology and ethnopedagogics]*. Moscow, Flinta Publ., 2015. 153 p. (In Russ.).
2. Bernshtam T.A. *Russkaya narodnaya kul'tura Pomor'ya v XIX – nachale XX veka: etnograficheskie ocherki [Russian folk culture of Pomerania in the 19th-early 20th centuries: ethnographic essays]*. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 232 p. (In Russ.).
3. Konakov N.D. *Izhemtsy v Murmanskom Zapolar'e [Izhemtsy in the Murmansk Arctic]. Rodniki parmy [Springs of the Parma]*. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1989. 192 p. (In Russ.).
4. Kotov O.V. *Einokul'turnye protsessy u sovremennykh Komi Kol'skogo poluostrova: avtoreferat dis. kand. istor. nauk [Ethnocultural processes in modern Komi of the Kola Peninsula. Author's abstract of diss. PhD in history]*. Moscow, 1988. 18 p. (In Russ.).
5. Kuzivanova O.Yu. *Simvolicheskie resursy etnichnosti (na primere Komi naroda) [Symbolic resources of ethnicity (for example, the Komi people)]. Uchebnye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Petrozavodsk state university]*, 2012, no. 5, pp. 25-29. (In Russ.).
6. Kuznetsova N.Yu. *Izuchenie staroobryadchestva na Russkom Severe: osobennosti issledovatel'skogo opyta S.A. Prik-lonskogo i A.S. Prugavina [the Study of the old believers in the Russian North: particularities of research experience Prikamskogo S.A. and A.S. Prugavin]. Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Petrozavodsk State University]*, 2017, no. 5, pp. 57-60. (In Russ.).
7. Latyshina D.I., Khayrullin R.Z. *Etnopedagogika [Ethnopedagogy]*. Moscow, Yurait Publ., 2018. 394 p. (In Russ.).
8. Machurova N.N., Machurov S.K. *Psikhologicheskie zashchitnye mekhanizmy kak etnicheskie bessoznatel'nye stereotipy povedeniya skazochnykh personazhey i literaturnykh geroev komi pisateley [Psychological defense mechanisms as an unconscious ethnic stereotypes of behavior of fairy tale characters and literary heroes of Komi writers]. Tret'i Myandinskiye chteniya: sbornik nauchnykh trudov po materialam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (8-9 iyulya 2015 goda, g. Syktyvkar) [Myandin's third reading Collection of scientific papers on the materials of the All-Russian Scientific Conference (July 8-9, 2015, Syktyvkar)]*. Syktyvkar, SGU im. Pitirima Sorokina Publ., 2016, pp. 214-222. (In Russ.).
9. Musanova S.S. *Russkiy pesenno-igrovoy repertuar luzskikh Komi [Russian song and game repertoire luzskiy Komi]. Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Petrozavodsk State University]*, 2018, no. 1, pp. 50-56. (In Russ.).
10. Ulturgasheva N. D., Aleskeeva A. G. *Semeyno-brachnye otnosheniya korennykh narodov Sibiri kak etnokul'turnyy fenomen traditsionnogo obshchestva [Family and marriage relations of indigenous peoples of Siberia as an ethnocultural phenomenon of traditional society]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2018, no. 1 (42), pp. 144-151. (In Russ.).
11. *Etnopsikhologiya [Ethnopsychology]*. Moscow, Zakon i pravo Publ., 2015. 119 p. (In Russ.).